

М. С.-Г. Албогачиева

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

За последние десятилетия в этнологии, культурологии, социологии, психологии и в других гуманитарных науках накоплен большой фактический материал, связанный с проблемой формирования этнического самосознания личности [Дробужева 1985: 3—16; Золотухина 2006: 84]. Этническое самосознание есть относительно устойчивая система осознанных представлений и оценок реально существующих дифференцирующих и интегрирующих признаков жизнедеятельности этноса. К признакам, выполняющим подобные функции, относятся такие компоненты этнической реальности, как самоназвание, происхождение и историческое прошлое этноса (или коллективные представления о них), этническая территория (которая, впрочем, в историческом прошлом изменялась), язык, религия, набор определенных компонентов материальной и духовной культуры, экономика и ее варианты применительно к этносоциальным образованиям докапиталистического порядка, представляющие элементы различных подсистем или сфер этнической культуры (подробнее см.: [Хотинец 1999: 69]).

В условиях обновления в последние десятилетия в нашей стране абсолютного большинства сфер общественной и политической жизни особое значение приобретает анализ особенностей проявления этномаркирующих признаков народов, проживающих на территории бывшего СССР, в том числе в Российской Федерации. В частности, обретение бывшими союзными республиками политической самостоятельности, а также образование новых республик в РФ оказало существенное влияние на изменение этнического самосознания их населения. К числу последних относится и Республика Ингушетия, являющаяся самым молодым субъектом Российской Федерации. Она была провозглашена 15 сентября 1991 г. на съезде народных депутатов Ингушетии, а 4 июня 1992 г. законом Российской Федерации была зарегистрирована. За сравнительно короткий период времени в республике произошли многие изменения — в культуре, образовании, экономике, но вместе с тем остается много нерешенных проблем, в частности в различных областях науки. При том что количество появившихся за последние годы научных и научно-популярных изданий по истории и культуре ингушей достаточно внушительно, все же исследований, посвященных анализу этнокультурной идентичности ингушского народа, явно недостаточно. В связи с этим нами предпринимается попытка выявить общие тенденции и рассмотреть функциональные изменения в употреблении ингушского языка как важного этномаркирующего признака. Изучению данной проблемы были посвящены полевые исследования автора в Назрановском, Сунженском, Малгабекском и Джейрахском районах Республики Ингушетия и в Пригородном районе Северной Осетии (2005—2008).

Полностью отдавая себе отчет в относительной точности, с которой удастся «уловить» основные причины функционального изменения языка, мы попытались соотнести результаты собственных исследований с материалами литературных источников и через это проследить причины, послужившие изменению речевого поведения носителей языка на различных этапах исторического развития ингушского общества, в первую очередь в контексте образовательного пространства, обуславливающего оно поведение.

Ингушский язык (инг. *гӀалгаӀай мотт*) — относится к нахской группе иберийско-кавказских языков. Он весьма близок чеченскому языку. Помимо Республики Ингушетия ингушский разговорный язык имеет распространение среди представителей соответствующей национальности, проживающих в Чеченской республике, в Пригородном районе Северной Осетии, в Киргизии, Казахстане (Акмолинская область, города Кокшетау, Астана, Алматы), а также в некоторых странах Европы, в Турции, Иордании, где ингуши проживают диаспорно.

В Республике Ингушетия ингушский язык, наряду с русским, является государственным языком (Конституция Республики Ингушетия, 1994 г.). Он является предметом изучения в начальной и средней школе, в средних специальных учебных заведениях и в вузах. На ингушском языке издается учебная, художественная и публицистическая литература. В РИ работает около десятка печатных СМИ, в том числе выходят две республиканские общественно-политические газеты, учрежденные правительством Ингушетии: «Ингушетия» (на русском языке, три раза в неделю, 3 тыс. экз.) и «Сердало» («Свет», на русском и ингушском языках, три раза в неделю, 3 тыс. экз.).

Выпускаются районные газеты «Голос Назрани» (Назрановский район), «Народное слово» (Малгобекский район) и городская газета «Керда Ха» (г. Карабулак). Все три выходят на русском и ингушском языках.

Издаются рекламно-информационная газета бесплатного распространения «Партнер», газета «Деловая Ингушетия», детский журнал «Радуга» (на ингушском языке), альманах «Литературная Ингушетия» (на ингушском и русском языках); осуществляется теле- (4 часа) и радио- (2 часа) вещание, где эфирное время разделено поровну между передачами на ингушском и русском языке; функционируют театры: Русский музыкально-драматический театр «Современник» (постановки на русском и ингушском языках), Национальный драматический театр им. И. Базоркина (на ингушском), Театр юного зрителя (на русском и ингушском), Государственное учреждение творческое объединение Зокх (на ингушском).

В 2006 г. (20.09.06) вышел подписанный Президентом РИ Указ о проведении ежегодной Декады ингушского языка и литературы с 15 сентября по 25 сентября. Этим Указом Министерству образования, Министерству культуры, Министерству по связям с общественностью и национальным отношениям, Ингушскому научно-исследовательскому институту гуманитарных исследований им. Ч. Ахриева, Ингушскому государственному университету, Государственному учреждению «Ингушский язык», творческим организациям и союзам Республики Ингушетия предписывалось ежегодно проводить мероприятия, посвященные Декаде ингушского языка [Дзарахова 2007: 45].

Центрами научного изучения языка являются Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований Республики Ингушетия, Ингушский государственный университет, Лаборатория кавказских языков Института языкознания РАН.

В последние годы в Ингушетии язык перестал выполнять функции национального индикатора. Русско-ингушский билингвизм постепенно вытесняет ингушский язык.

Постараемся проследить с периода принятия российского подданства в XVIII в. по настоящее время, что послужило причиной появления такого устойчивого билингвизма у ингушей.

Как известно, любому народу, живущему в изоляции, достаточно знания собственного языка, но с появлением межнациональных контактов возникает необходимость во взаимопонимании с носителями других языков.

С точки зрения теории этничности язык важен и в том отношении, что он представляет собой своего рода границу данного этноса или национальности. За пределы своей этничности можно выйти, лишь усвоив чужой язык [Здравомыслов 1996: 115].

Живя в окружении других народов Кавказа: чеченцев, осетин, кабардинцев, грузин, ингуши взаимодействовали с ними, воспринимая те или иные элементы их культуры, легко овладевали их языками, но вместе с тем сохраняли собственную «самость».

Упрочение позиций России в Кавказском регионе в XVIII в. положило начало развитию русско-ингушского билингвизма. Этому способствовала политика Российской империи по окончании Кавказской войны — строились казачьи поселения, создавались кордонные линии между горной и равнинной частями Ингушетии. Постоянные контакты ингушей с русскими так или иначе сказывались на изменении их языковых практик.

Имевшее тогда же место насильственное переселение ингушей из горной части Ингушетии на плоскостные земли и последовавшая за этим политика укрупнения населенных пунктов обусловили стирание языковых и других различий между представителями разных диалектов ингушских «племен». В крупных населенных пунктах совместно стали проживать представители различных этнических подразделений ингушей: галгаи, фяппи, карабулаки (орстхоевцы). Данное обстоятельство оказало существенное влияние на формирование единого ингушского языка [Муталиев 1995: 2—3].

Активная деятельность христианских миссионеров (Осетинская духовная миссия (1815—1860), Шотландская миссия (1820—1821), занимавшихся проповеднической деятельностью на территории Ингушетии, способствовала расширению словарного запаса местного населения. Местное население усвоило некоторые слова, связанные с обрядовыми практиками христианской религии, заимствовало некоторые христианские имена, которые давались при крещении.

Формирование Терской постоянной милиции (1865) и прием на службу мужского населения также способствовали овладению русским языком.

Однако в целом плохое знание русского языка служило огромным барьером на пути социального и политического продвижения, к которому стремилась наиболее прогрессивная часть населения. Отсутствие на территории Ингушетии просветительских учреждений вынуждало наиболее состоятельных людей отдавать своих детей в учебные заведения края (в Ставропольскую гимназию, Владикавказскую и Нальчикскую горские окружные школы).

До 1869 г. на территории Ингушетии не было просветительских учреждений. Первое училище было открыто в местечке Назрань 14 февраля указанного года. Показательно, что из 72 мальчиков, поступивших в училище, 67 не только не говорили по-русски, но и не понимали ни одного русского слова, следовательно, обучение давалось им с большим трудом. Естественно, что одна школа не могла оказать сколько-нибудь значительного влияния на грамотность ингушей, но, тем не менее, начало позитивным изменениям было положено.

Ежегодно из горской школы переводились в другие учебные заведения 2 или 3 ученика для получения дальнейшего образования. Тем самым увеличивался общий процент молодых людей, достаточно хорошо владеющих русским языком.

Назрановское 2-классное училище на протяжении 41 года оставалось единственным светским русскоязычным учебным заведением Ингушетии. Со временем школа уже не могла вместить всех желающих обучаться в ней. Вместо 50 учащихся, на которые она была рассчитана, там в начале XX в. обучалось порядка 160 учащихся [Гудиева 2005: 229].

В 1910 г. было открыто два новых начальных училища — Привольненское и Насыр-Кортское. До конца 1911 г. было открыто еще 9 начальных училищ, все во временных помещениях. Таким образом, в 1911 г. на 53 000 жителей Назрановского округа ингушской национальности приходилось 11 школ, в которых обучались 522 мальчика и 8 девочек. Соответственно одна школа приходилась на 4,4 тысячи населения или на 1000 душ населения 10 учащихся. Этого явно было недостаточно, поэтому в те годы в дирекцию народных училищ поступили «приговоры» об открытии у них училищ еще от 5 ингушских селений [ЦГА РСО-Алания, ф. 123, оп. 1, д. 515, л. 90 об.].

В Российской империи на нужды просвещения выделялись ассигнования из казны, которые преимущественно направлялись в районы с «инородческим» населением. За счет этих средств были построены 22 школы в кабардинских селениях, 17 школ в осетинских, 15 школ в ингушских и 35 школ в чеченских селениях.

В селении Назрань Назрановского округа Терской области 28 марта 1915 г. на совещании заведующих низшими начальными училищами и сельских старшин было принято решение о строительстве низших начальных училищ с целью скорейшего обучения всех мальчиков и девочек 8—11 летнего возраста. К 1920 г. ингуши уже занимали 6-е место по грамотности среди национальных областей Северного Кавказа, грамотное население составляло 3 %. В апреле 1920 г. на русском языке вышел первый номер газеты «Красная Ингушетия», являвшейся органом Ингушского революционного комитета. Она печаталась на одной стороне бумажного листа, а другой, чистой стороной ее приклеивали к стенам домов, и те, кто умели читать, могли свободно с ней ознакомиться. Позднее эта газета стала называться «Ингушская беднота» [Котиев 2008].

Наряду с русскими школами на территории Ингушетии с последней четверти XIX в. до конца 19—20-х гг. XX в. функционировали и школы при мечетях, в которых велось преподавание на арабском языке. В этот период ингушский язык обрел письменность на основе арабского алфавита, которая просуществовала до появления письменности (1923) на основе латиницы. По сообщениям Х.-М. Мугуева в 1929 г. в Ингушетии насчитывалось 32 арабские школы, в которых обучались около 1500 учеников, и такое же количество медресе с 825 учениками. Преподавание в этих учебных заведениях велось местными муллами и хаджами, с которыми со второй половины 1920-х и в начале 1930-х гг. велась активная борьба Советскими властями [Мугуев 1931: 93].

Здесь же нужно заметить, что, в отличие от русских школ, где преподавание велось на государственном русском языке и общение на нем было распространено повсеместно, арабский язык не оказал существенного влияния на ингушский язык.

Тяга к русскому языку как наиболее эффективному средству межнационального общения и повышения культурного уровня постепенно и неуклонно усиливалась, но ограниченное количество просветительских учреждений вынуждало местное население искать другие пути для изучения русского языка. Так, исследователь ингушского народа Г. К. Мартиросиан писал, что ингуши и осетины до революции охотно отдавали своих детей в услужение к русским чиновникам и мещанам, не требуя за это платы, с единственным условием — выучить ребенка читать, писать и говорить по-русски [Мартиросиан 1925: 19]. Из данного факта следует, насколько важен был русский язык для местного населения.

Однако, овладевая русским или арабским языком и грамотой, многие представители ингушской общественности были озадачены отсутствием собственной письменности. Ингуши, как, впрочем, и многие народы Кавказа, относились к бесписьменным, хотя некоторые ученые (И. Ю. Алироев, Н. Ф. Яковлев, Х. А. Акиев и др.), и исследователь ингушского народа Ф. И. Горепекин считают, что у предков ингушей была письменность, и потеряна она ими сравнительно недавно [ПФА РАН, ф. 142, оп. 2, д. 27, л. 5].

В 1920-х г. Н. Ф. Яковлев отмечал:

Национальный центр тяжести ингушского народа, как в отношении численности, так и в развитии культуры (мало-помалу) переместился на плоскость. <...> Почти все ингуши усвоили русский язык и очень многие грамоту, которой с грехом пополам пользуются и для родного языка. <...> Русская азбука служит ингушам и для передачи на письме ингушских текстов, причем недостающие буквы пополняются массой надстрочных и подстрочных значков, изображаемых каждым ингушом по-своему. Не делалось и не делается попыток хотя бы частично ввести обучение ингушской грамоте в школах, за неимением общепринятого рукописного и типографического шрифта [ПФА РАН, ф. 800, оп. 6, д. 574, л. 31].

«Грамотность на родном языке есть первый шаг к просвещению», — писал Ф. И. Горепекин, который, в совершенстве владея ингушским языком и находясь в постоянном общении с местным населением, предпринял попытку создания ингушской азбуки. В 1918 г. Ф. И. Горепекин представил свой труд на областном съезде, где делегаты единодушно присвоили ему звание «*Нахаа-су-дар*» — «просветитель народа». Несколько лет спустя, в 1922 г., созданный им букварь был принят к изданию.

Не осталась в стороне от решения насущной проблемы ингушского общества и местная интеллигенция, желавшая пользоваться ингушской письменностью наравне с русской. Доказывается это появлением нескольких проектов ингушского алфавита, разработанных параллельно. Это проект Заурбека Мальсагова (латинский шрифт); проект Магомеда Джабогиева (арабский шрифт), проект Магомеда Альтемирова (русско-усларовский алфавит) [ПФА РАН, ф. 800, оп. 6, д. 574, л. 32].

Но с переходом на латинизацию национальных алфавитов в целом ряде национальных республик и областей СССР все работы предыдущих авторов, кроме алфавита, составленного на основе латинского шрифта ингушским лингвистом З. К. Мальсаговым, были отклонены [ПФА РАН, ф. 800, оп. 6, д. 161, л. 1 об.].

Важным событием для ингушского народа стал выход 1 мая 1923 г. газеты «Сердало» на ингушском языке.

С первых же своих номеров газета «Сердало» начала активно участвовать в ликвидации безграмотности. На ее страницах печатались и русский, и ингушский алфавиты. Здесь преследовалась такая цель: взрослые, умеющие читать на русском языке, и дети, обучающиеся в школах, быстрее могли овладеть родной письменностью. Борьба с безграмотностью в двадцатые и тридцатые годы стала главной темой газеты «Сердало». Рубрики и заголовки публикаций газеты тех лет — «Изучайте грамоту, выходите из темноты!», «Свободу для желающих учиться», «Крестьянин, помни: неграмотность — твой враг», «Ликвидируем неграмотность» и др. [Котиев 2008].

С появлением этой газеты ингуши получили возможность самостоятельно изучать ингушский и русский языки. О большом влиянии этой газеты на изучение ингушского языка рассказывал житель селения Кантышево А. Дударов, который помнит, как сосед его родителей по собственной инициативе собирал со всей округи детей, желавших обучаться грамоте, и учил их азам ингушского языка [ПМА 2003]. Из этого следует, что появление ингушской письменности и печатного органа на ингушском языке послужило толчком для самообразования лиц, не имевших образования, но владевших навыками работы с алфавитом.

С образованием в 1924 г. Ингушской автономной области с центром во Владикавказе в области просвещения произошли значительные сдвиги. Создание национальной государственности имело очень важное значение в развитии ингушского языка, грамотности населения.

За период с 1924 по 1928 гг. в Ингушетии было построено 20 новых школ. Даже в маленьком горном селении Пуй функционировала школа, которая закрылась только после принятия решения о строительстве школы и интерната в ауле Эгикал в 1928—1929 гг. Партийные и советские органы стремились к быстрейшему созданию сети школ и проведению культурно-просветительной работы среди местного населения.

В период существования Ингушской автономной области ингуши получили реальные возможности повысить свой культурный потенциал, в том числе получать образование в учебных заведениях республики. В административном центре Ингушской автономной области Владикавказе в 1926 г. находились Ингушский педагогический и индустриальные техникумы, опытно-показательная школа, педагогические курсы, подготовительная группа Рабфака, ингушская Совпартшкола, ингушский деловой клуб [Тусиков 1926: 190—191].

Желание получить образование было столь велико, что люди готовы были оказывать посильную помощь в открытии школ. Так, жители некоторых хуторов просили открыть у них школы, дав им лишь учителя, а здания школ они готовы были построить сами. К 1927 г. ингуши сумели поднять грамотность до 22 % [Гудиева 2006: 349].

В 1928 г. во Владикавказе функционировал Ингушский Научно-исследовательский институт краеведения, в Назрани открылась сельскохозяйственная школа, а в селениях Долаково, Насыр-Корт и Базоркино — женские профессиональные школы. Ингушская автономная область имела на тот период два детских дома, 36 пунктов по ликвидации неграмотности, избы-читальни, стипендиатов в высших учебных заведениях и на рабочих факультетах в Баку, Ростове, Краснодаре, Новочеркасске и Владикавказе и др. [Мартиросиан 1928: 124—125].

В 1929 г. в издательстве «Сердало» во Владикавказе вышел в свет русско-ингушский словарь И. Мальсагова, содержащий 6986 слов. Ингушский текст был написан на латинской графической основе [Куркиев 2004: 6—7].

За период существования Ингушской АО ингуши достигли значительных результатов в расширении и укреплении культурно-образовательного пространства. Так, на 1 октября 1932 г. в Ингушетии насчитывалось 48 начальных школ, в которых было 13 600 учащихся, т. е. почти все дети школьного возраста [Мальсагов 1988: 97].

Введенный в действие в 1930-х гг. учебный план нерусских начальных школ предполагал, что обучение в начальной школе будет осуществляется на родном языке. Вместе с тем с первого же класса много времени должно было отводиться на изучение русского языка с тем расчетом, чтобы к третьему классу дети овладели им в достаточной мере. С третьего класса обучение переводилось на русский язык, а родной язык сохранялся только как учебный предмет. В 1929 г. выпускником Северо-Кавказского

педагогического института Орцо Артагановичем Мальсаговым был издан учебник родного языка для первого класса ингушских школ [Мальсагов 1998: 322].

В те же годы на ингушском языке стали издаваться полные комплекты школьных учебников, большое число книг и брошюр политического, экономического, медицинского содержания, переводы небольших произведений русских классиков и советских писателей, первые литературные опыты начинающих писателей из местной среды, произведения местного фольклора и музыки. Первыми печатными произведениями ингушской литературы были пьеса З. Мальсагова «Похищение девушки», повесть «Ранняя весна» Т. Бекова, поэма «Калым и Тамара» С. Озиева, в газете «Сердало» печатались стихи ингушских поэтов Х. Муталиева, Дж. Яндиева, А. Озиева и др.

На местном радио регулярно стали транслироваться передачи информационного и воспитательного характера на ингушском языке.

Широкое развитие просветительной работы на родном языке служило не только источником для приобретения знаний, но и непосредственным поводом к овладению русским языком. Получив элементарные знания с помощью родного языка, люди осознавали необходимость совершенствовать эти знания и неизбежно приходили к пониманию того, что без глубокого овладения русским языком это невозможно.

В 1930 г. общий процент грамотного населения возрос в 5,5 раза. Ингушетия имела 33 школы, 11 специальных учебных заведений (техникумы и профшколы), в которых обучалось 1130 чел., в том числе 200 женщин [Дзаурова 2004: 28].

Нужно отметить, что в Ингушетии с 1930 г. начали создаваться школы-семилетки, а десятилетнее образование было введено с 1935 г. [Гудиева 2006б: 353].

Естественно, за этот период значительная часть населения овладела русским языком и литературой, многие стали читать переводы ингушских писателей на русском языке.

Однако в 1930-х гг. советская власть взяла курс на унификацию этнического состава населения страны, когда малые народы Памира, Дагестана и других регионов объединялись с более крупными. Еще в 1928 г. в ЦК ВКП(б) рассматривался вопрос «о возможности объединения ингушей и чеченцев». В русле практического осуществления этой программы обсуждались перспективы создания единого литературного вайнахского языка, осуществлению чего объективно способствовала близость разговорного чеченского и ингушского языков. В том же году во Владикавказе была созвана конференция по вопросам унификации чеченского и ингушского алфавитов. Конференция поставила перед собой задачу ликвидировать расхождения в алфавитах и унифицировать их в той мере, в какой это позволяют фонетические системы данных языков, но задача эта не была решена. Расхождения оставались и отстаивались обеими сторонами. Окончательная, то есть «максимальная», унификация была достигнута лишь в 1934 г. после выхода постановления облисполкома «Об едином алфавите». Тогда в алфавите появились такие буквы: *je, ju, ja, I, (')* [История чеченской письменности 2007].

Хотя единый вайнахский язык и не был создан, но в 1934 г. две автономные области объединили в одну, и это, как предполагалось, должно было привести к консолидации чеченцев и ингушей в единый этнос. Реально, при существовавшем в тот период и сохраняющемся до настоящего времени более чем четырехкратном преобладании чеченцев над ингушами, это означало растворение ингушского народа в чеченском, и тем более — при создании специальных условий [Карпов 2001: 239].

Однако этого не произошло, так как совместное сосуществование ингушей и чеченцев в рамках одного национально-государственного образования показало, что в искусственно созданных специальных условиях стал срабатывать фактор этнического самосознания и устойчивости этнодифференцирующих признаков. Не последнюю роль в этом процессе сыграла и языковая политика, осуществлявшаяся в те годы в СССР. В марте 1938 г. было принято специальное постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных областей». Как отмечал Краснов, «учащиеся, окончившие неполную среднюю школу (7 классов), должны были уметь свободно и правильно выражать на русском языке свои мысли как устно, так и письменно, иметь навыки самостоятельного пользования книгой, соответствующей их возрасту, получать знания основ русской грамматики и синтаксиса и на некоторых примерах получать знакомство с русской литературой» [Краснов 1972: 80].

В русле этой программы произошел перевод ингушской письменности, как и письменности многих других народов страны, с латиницы на русскую графику.

В этот период активно осуществлялась программа по русификации младописьменных народов. Новая идеологическая установка была юридически закреплена и в концепции государственного языка, предусматривавшей обязательное употребление во всех госучреждениях русского языка. Началась сплошная русификация.

Переход на русскую графическую основу был связан с большими трудностями: для овладения новым алфавитом десяткам тысяч людей нужно было переучиваться, пришлось вновь переиздавать все учебники, менять шрифт и т. д., что, несомненно, снижало темпы развития языка и ликвидации безграмотности. Чечено-Ингушский пединститут и научно-исследовательский институт истории, языка и литературы провели значительную работу по упорядочению орфографии и терминологии, изданию учебников для чеченских и

ингушских сел, осуществляли переводы общественно-политической, сельскохозяйственной, медицинской и технической литературы. Уже в 1941 г. вышли учебники на основе русской графики, предназначенные для национальных школ, в которых отныне чеченский язык и литература и ингушский язык и литература преподавались лишь как предметы, а все остальные дисциплины преподавались на русском языке» [Хамидова 1999: 47].

Благодаря этой программе произошел значительный скачок в образовательном пространстве ингушей, так, по данным статистического ежегодника за 1939 г., на 1000 ингушей в возрасте 10 лет и старше приходился 71 человек с высшим и средним специальным (полным и неполным) образованием [Народное хозяйство 1977: 19].

С началом Великой Отечественной войны преподавание родного языка в школе сильно пошатнулось, так как значительная часть педагогов ушли на фронт. Оставили свои занятия большинство работников культуры, авторов учебников и переводчиков, работников местных газет и радио. В эти годы на работу часто принимались не дипломированные специалисты, а лица, умевшие только хорошо писать и читать на родном языке. Однако они не могли вести преподавание на должном уровне и сами отказывались от такой нагрузки. Так, житель селения Барсуки Гагиев А., на тот период работавший в школе, рассказывал, что для преподавания родного языка ему не хватало знаний и определенных навыков, необходимых для работы учителя ингушского языка. Это было очень трудно еще и потому, что он окончил школу, когда еще велось преподавание ингушского языка на основе латиницы, а с переходом на кириллицу язык не изучал, но в связи с отсутствием педагогических кадров на него была возложена эта учебная нагрузка [ПМА 2008]. Многие школы и культурно-просветительные учреждения постепенно сами собой перешли на русский язык. Такой оборот дела был вынужденным и, по-видимому, в особых условиях того времени неизбежным. Вести работу на родных языках стало почти некому.

23 февраля 1944 г. чеченцы и ингуши все были высланы в Среднюю Азию и Казахстан, где для них был установлен специальный режим проживания. Чеченский и ингушский языки вместе с названиями их народов были вычеркнуты из книг, энциклопедий, были уничтожены памятники их культуры, переименованы все их населенные пункты — как будто их не было вовсе.

В период депортации ингушская интеллигенция была вынуждена выполнять низкоквалифицированную работу в различных отраслях народного хозяйства, не имея возможности трудиться по специальности. Только инженеры-нефтяники с высшим и среднетехническим образованием, а также практики из числа операторов и мастеров, имевшие опыт работы в нефтяной отрасли были направлены в Гурьевскую область в объединение «Казахстаннефть». В их числе были Плиев Султан Абдулович, Тутаев Хусейн Заурбекович, Алмазов Ильяс Абдулович, Ужахов Алмахсит, Мациева Элеонора Магамедовна и др. [Ермекбаев 2008]. Их труд был наиболее востребован, и поэтому они смогли реализовывать полученные знания на профильном производстве и в научных лабораториях нефтяных промыслов Казахстана.

Отторгнутые от традиционного места проживания и разбросанные по бескрайним просторам Средней Азии и Казахстана, ингуши растеряли частично и свой язык, так как в местах ссылки они вынуждены были общаться с местным населением на русском языке. В течение тринадцати лет у большей части ингушей не было возможности получить высшее образование. В годы ссылки число образованных людей ингушской национальности резко сократилось из-за гибели многих и отсутствия возможности продолжать творческую и научную деятельность.

В эти страшные годы испытаний, выпавших на долю ингушского народа, пострадала ингушская языковая модель. За период депортации почти все ингуши стали двуязычными, некоторые хорошо знали казахский и киргизские языки. Многие информаторы (Харсиев И. А., Гадаборшев С. Э., Булгучев А. И. и др.) и теперь помнят некоторые слова и стихи школьной программы на этих языках и с удовольствием декламировали их мне. Они считают, что знать много языков, конечно, хорошо, но современная ситуация с ингушским языком их удручает. Как им кажется, этот процесс начался еще в период ссылки, когда они, находясь в полиэтничной среде, были лишены возможности общаться на родном языке, слушать радио, читать книги и газеты на ингушском языке, получать полноценное образование, поскольку обучение в школах велось на русском, казахском и киргизском языках. Однако нужно отметить, что такая ситуация была не во всех местностях, где проживали ингуши. Как отмечали некоторые информанты, в последующие годы в местах компактного проживания ингушей организовывались специальные классы из детей спецпереселенцев, где преподавали и педагоги из числа депортированных. Так, в одной из школ преподавал А. Эжаев, имевший до высылки 4-летний педагогический стаж, но таких было мало [ПМА 2008]. В течение 13 лет ингушский язык был предан забвению.

Основу для дальнейшего вымирания родного языка заложили и участвовавшие межнациональные браки, которые распространились в период ссылки. Языком общения между супругами стал русский язык, и дети впитывали его с детства, ингушский язык они часто не знали или знали плохо. Необходимо отметить, что межнациональные браки были характерны больше для ингушских мужчин, нежели для женщин.

В значительной мере этому способствовала и демографическая диспропорция послевоенного времени, недостаток мужчин-сибиряков приводил к смешанным бракам местных женщин с поселенцами. Наиболее

распространенными были браки между ингушами и русскими, украинскими, немецкими женщинами [ПМА 2007].

Запрет возвращения на родину был отменен 9 января 1957 года указами Президиумов Верховных Советов СССР и РСФСР. Эти указы восстанавливали Чечено-Ингушскую автономию, а для организации репатриации создавался Оргкомитет.

Сразу после публикации указов многие ингуши в Казахстане и Киргизии уволились с работы, распродали имущество и стали добиваться выезда к прежнему месту жительства. С невероятными трудностями, на перекладных приехали многие на свою исконную родину, но там их ждало разочарование. Их дома и земли были заселены поселенцами из Центральной России и малоземельных районов Северного Кавказа, переселенными сюда еще в 1944 г. Стали возникать проблемы с жильем и работой, что приводило к этническому противостоянию. Восстановление республики предусматривало новую сложную переделку административно-территориального деления региона. За пределами ЧИАССР оказался Пригородный район, оставшийся в составе Северо-Осетинской АССР.

В связи с такими сложностями, возникшими с репатриантами, власти были вынуждены летом 1957 г. временно приостановить возвращение ингушей на родину. Большинство чеченцев и ингушей вернулись на родину только к весне 1959 г., но процесс возвращения продолжался до 1963 г. За этот период из 524 тысяч человек в республику прибыли 468 тысяч [Ибрагимов, Хатуев 2007: 280].

Многие ингуши так и не вернулись на родину и остались жить в Казахстане, часть репатриантов, не удовлетворенных существующим положением на родине, вернулись обратно. Самая многочисленная диаспора проживает ныне в Казахстане. Всего по переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан проживало 13 119 ингушей [Статистический сборник 2000: 8—9].

В связи с восстановлением ЧИАССР была проведена огромная работа по осуществлению специальных мероприятий (трудоустройство возвратившегося чеченского и ингушского населения, предоставление жилья, оказание финансовой и материальной помощи, повышение общеобразовательного уровня, квалификации и др).

Для возвращающихся на родину людей было намечено создание рабочих мест, лекторских групп в большинстве населенных пунктов. При Чечено-Ингушском институте были организованы двухмесячные курсы на 260 мест по переподготовке учителей для чеченских и ингушских школ [Грозненский рабочий 1957].

Отсутствие местных педагогических кадров очень сильно сказывалось на процессе обучения ингушскому языку. Для восполнения этого недостатка в Чечено-Ингушском педагогическом училище было открыто заочное отделение, а при 3 школах-интернатах для девушек коренной национальности были созданы 9-й и 11-й классы с педагогическим уклоном [Кузнецова 2005: 107]. При Грозненском педагогическом институте был открыт факультет ингушского языка и литературы для подготовки учителей семилетних школ [Грозненский рабочий 1957].

Постепенно возобновилось научное изучение ингушского языка, фольклора, истории и этнографии, издание книг и газет. В 1958 г. стал выходить литературно-художественный альманах «Утро гор» на ингушском языке.

В начале 60-х вышел Краткий русско-чеченско-ингушский словарь-справочник общественно-политических терминов. В последующие годы вышло еще четыре трехязычных словаря [Оздоев 1980: 6—7].

Однако языком обучения в республике был русский. В городских школах чеченский и ингушский языки теперь не преподавались даже как предмет. В сельских школах родной язык и литература были предметом изучения, все остальные предметы велись на русском языке. Во всех учебных заведениях обучение и проведение всех мероприятий позволялось только на русском языке [Хамидова 1999: 47].

Местного населения с целью повышения его образовательного уровня, а также формирования местных кадров была предоставлена возможность поступать в высшие и средние специальные учебные заведения страны на внеконкурсной основе. Однако и здесь не обошлось без определенных ограничений, так, Гадаборшев Осман Баскурович, выпускник факультета журналистики МГУ (1963), рассказывал, что он поступил на восточный факультет этого вуза, но ему предложили перевестись на факультет журналистики, объяснив, что представителям ингушской и чеченской национальности никогда не будет дозволено работать в посольствах [ПМА 2006].

Льготные места для республики выделялись только на определенные факультеты, что ограничивало выбор специальности.

В 1958 г. восстановленной республике было выделено 19 целевых мест в Ленинградский театральный институт им. Островского [Сердало 1958]. Ингушам досталось 4 места. На выделенные места из Ингушетии приехали первые студенты — Дакиев Магомед Ахмедович, Катиев Суламбек Саадулович, Мамилов Суламбек Ахмедович, Цицкиев Магомед Мухтарович — для создания при Чечено-Ингушском драматическом театре ингушской труппы. Как отмечает Дакиев Магомед Ахмедович, блестяще закончив учебу, они вернулись в республику. Но надежда создать ингушскую труппу при республиканском драматическом театре не увенчалась успехом, им было предложено работать в чеченском театре, где постановки велись на чеченском языке.

В течение двух лет после окончания учебы Дакиев Магомед работал на Чечено-Ингушском телевидении корреспондентом последних известий, отсутствие возможности работать по специальности очень удручало его. Магомед Ахмедович приехал в Москву и записался на прием к заместителю министра культуры СССР В. М. Стриганову, который выслушав просьбу молодого специалиста, объяснил, что вопрос об открытии ингушской труппы решаться не будет, и направил его на работу на Ленфильм [ПМА 2006].

Стремление ингушей получить образование было велико, однако этот процесс сильно сдерживался экономическими и политическими факторами — необходимостью восстановления разрушенного хозяйства, принудительным размещением на трудоемких производствах и в совхозах. В 1959 г. в республике существовала огромная диспропорция в пользу сельского населения, городское население насчитывало 5445 чел., а сельское — 29 794 чел. Как отмечали многие информаторы, при приеме на работу существовали трудности, обусловленные государственной политикой.

На руководящих должностях в государственных организациях (даже самых небольших) процент чеченцев и ингушей ограничивался, как ограничивались и возможности их профессионального роста. Хотя повсеместной дискриминации при приеме на работу не было, чеченцы и ингуши только за небольшим (строго проверенным) исключением поднимались выше определенной ступени [Кузнецова 2005: 161].

Отсутствие рабочих мест вынуждало мужскую часть населения выезжать на сезонные работы. Отходничество приносило значительные доходы, и из года в год число «временно отсутствующего населения» продолжало увеличиваться:

За 1968—1969 гг. из Чечено-Ингушетии «с целью заработка» выехали 34 932 чел., и официальная статистика сообщала, что в последующие годы эта тенденция (роста количества отходников) — сохранилась [Трудовые ресурсы 1976: 7].

Заработки неквалифицированного рабочего составляли около 250 руб. в месяц. В 1980-е гг. на сезонных работах строители зарабатывали 7—8 тыс. рублей в месяц, что примерно равнялось стоимости среднего автомобиля или двум взносам за кооперативную квартиру. За два года можно было построить дом [Кузнецова 2005: 128].

Как отмечали многие информаторы, они работали в бригадах из 5—8 человек, без выходных и праздничных дней, весь световой день, а если необходимо, то и в любое другое время суток. Чем большее количество членов одной семьи состояло в бригаде, тем выше была прибыль. В бригаду принимали и женщин, чаще всего близких родственниц (матерей, сестер, жен, племянниц), которые стирали, готовили и убрали за всеми членами бригады и получали зарплату. Для скорейшего повышения благосостояния многие родители брали на «шабашку» школьников, начиная с 13-летнего возраста. Естественно, это сильно сказывалось на культурно-образовательном уровне подростка, некоторые стеснялись того, что они вынуждены жить за счет сезонных доходов, и всячески это скрывали. Один информатор говорил одноклассникам, что он из-за болезни уезжает в санаторий на лечение [ПМА 2008]. Из вышеизложенного следует, что некоторая часть населения испытывала психологический дискомфорт из-за необходимости работать за пределами республики. Многие школьники старших классов, даже имея огромное желание учиться в школе и продолжить образование в высших и средних учебных заведениях, не имели такой возможности. Необходимость в заработках из-за отсутствия рабочих мест порождала порочный круг. Кроме сезонных работ, многие ингуши из сельских районов ежедневно ездили на работу во Владикавказ на специальных рабочих автобусах и по понедельникам — в Грозный на пятidineвку, возвращаясь домой в пятницу вечером. Таким образом, ингуши должны были выживать, устраиваясь на самую малоквалифицированную и вредную работу на нефтяных и химических предприятиях, в мебельных цехах, на очистных сооружениях и пр. [ПМА 2007].

В начале 1970-х гг. благосостояние ингушей улучшилось благодаря развитию частных хозяйств и работе на «шабашках», связанной с выездами на заработки большей части мужского населения. Отходничество порождало класс низкоквалифицированных людей, которые с годами теряли здоровье и, продолжительное время пребывая за пределами исконной родины, утрачивали язык и отступали от традиций и обычаев. В этот период значительно возросло число межнациональных браков, что заметно сказалось и на языковой ситуации в республике. По данным переписи населения 1970 г., доля сельских жителей, указавших язык своей национальности как родной, составил 97,4 %, утративших свой родной язык и назвавших в качестве родного языка русский оказалось 2,6 %, двуязычными среди ингушей было 71,2 % населения [Современные этнические процессы 1975: 296]. Эти данные свидетельствуют о постепенном расширении этнолингвистических процессов, в ходе которого возрастают масштабы распространения двуязычия.

В первой половине 1970-х гг. дети коренных национальностей ряда союзных и автономных республик, а также дети национальных округов Севера с шести или семи лет начинают обучаться на родном языке в подготовительных классах [Современные этнические процессы 1975: 296].

В национальных школах были введены подготовительные классы, где ребенка готовили к школе. В этих школах обучение в первых двух классах вели на родных языках, преподавая одновременно русский

язык как предмет с первого дня прихода детей в школу. Лишний год обучения русскому языку (подготовительный класс) вполне обеспечивал достаточно хорошее овладение этим языком со стороны нерусских учащихся. Успешная работа национальных школ в короткий срок дала ощутимый эффект и стала способствовать возмещению ущерба, нанесенного народному образованию в военные годы и в процессе депортации.

Такая практика существовала довольно продолжительное время. О целесообразности подобной формы обучения в национальных школах говорят многие информаторы, обучавшиеся в начальной школе 30 и более лет назад. Они отмечают, что для детей, плохо знавших русский или ингушский языки, такая форма обучения была эффективна. Методика преподавания в подготовительных классах была хорошо продумана. Были подготовлены различные наглядные пособия, а также иллюстрированная азбука на ингушском и русском языках.

В результате к окончанию подготовительного класса дети хорошо усваивали и ингушский и русский алфавит и хорошо понимали почти все слова, необходимые для получения знаний в начальной школе. Комплекс неполноценности, который имели многие ингушские дети из-за незнания русского или ингушского языка, изживался еще в начальной школе, и процесс этот проходил совершенно безболезненно. Такая форма обучения была эффективна для детей, родившихся от смешанных браков. Как известно, такие дети с раннего детства имеют языковые сложности, плохо владеют ингушским языком, так как родители общаются преимущественно на русском языке. Так, многие ингуши, родившиеся от смешанных браков, отмечали, что им такая форма обучения помогла хорошо освоить родной язык. Отсутствие таких школ в настоящее время наносит ингушскому языку колоссальный урон [ПМА 2007]. Ведь теперь и дети, родившиеся в мононациональной ингушской семье, зачастую не знают родного языка. Возможно, возврат к такой системе позволил бы решить некоторые проблемы, связанные с изучением ингушского языка. Думается, что порядок работы нерусских школ с преподаванием в начальных классах на родном языке вполне себя оправдал. Такая форма обучения заслуживает сохранения и дальнейшего совершенствования. Ее достоинства заключаются в том, что она, во-первых, создает оптимальные условия для развития мыслительных способностей детей, ибо доказано, что эту цель лучше обеспечивает родной язык; во-вторых, позволяет вооружить детей хорошим знанием как ингушского, так и русского языка, на котором они продолжают обучение с первого класса, и параллельно дает им начальное образование на родном языке; в-третьих, предупреждает опасность утраты детьми родного языка и тем самым разрывает связи между поколениями.

Следующий период (1970—1980) ознаменовался сокращением количества часов, отведенных в школе на изучение родного языка (до 3,5 часа в неделю) [Овхадов 2001: 207]. Доля хорошо знающих родной литературный язык также сократилась. В последующие годы существенных изменений в преподавании родного языка в школах республики не произошло, и проблема родного языка была очевидна. В связи с этим в Чечено-Ингушском государственном университете и Государственном педагогическом институте были открыты национальные факультеты, готовящие преподавателей чеченского и ингушского языков, ингушской и чеченской литературы.

В результате такого вдумчивого и осознанного подхода к языковой проблеме к концу 80-х в республике насчитывалось достаточное количество учителей родного языка и литературы. С 1989 г. наряду с русским языком, являющимся основным языком обучения, ингушский язык был введен для обучения в начальных сельских школах, в средних учебных заведениях и вузах.

Для ингушского народа 1990 г. стал судьбоносным. В ноябре этого года в Грозном прошел Общенациональный съезд чеченского народа, организованный лидерами национальных, общественных и экологических организаций, а также депутатами ВС ЧИАССР и представителями диаспор. В числе прочих пунктов повестки дня значился вопрос о государственном суверенитете Чеченской Республики. Так произошло разделение Чечено-Ингушской АССР на Чеченскую Республику и Ингушскую Республику.

С 1957 по 1990 г. шло постепенное размежевание ингушского и чеченского народов, что определялось расхождением политических и этнических интересов обоих народов, связанных с искусственным объединением их в одну республику еще в 1934 г. Интересы ингушей были аккумулированы вокруг проблемы неполной территориальной реабилитации и неправомерного положения ингушей в ЧИАССР.

Данное обстоятельство положило начало процессу формирования у ингушей собственной государственности на основе принципа оформления этнической территории. Находясь в составе Чечено-Ингушской АССР, ингушский народ ощущал на себе пагубное влияние такого национально-территориального образования, и это сильно сказывалось на этнокультурном, экономическом и политическом развитии народа.

Приведем лишь некоторые факты. На территории Ингушетии за период с 1934 г. по 1990 г. не было построено ни одного высшего и среднего учебного заведения. В аппарате управления ЧИАССР диспропорция также была не в пользу ингушей. В 1989 г. из 73 ответственных работников Чечено-Ингушского КПСС ингушей было: на должности секретарей обкома — 1; заведующих отделами обкома — 1, заместителей заведующих отделами — 2. В аппарате Совета Министров ЧИАССР из 56 ответственных работников ингушей было 4, из 16 ответственных работников Президиума Верховного Совета ЧИАССР

ингушей было 4, из 10 министров — 2, из Председателей Государственных Комитетов — 1 [Кузнецова 2005: 134].

В творческих союзах ингуши были представлены следующим образом: в Союзе писателей — 9 из 31, в Союзе театральных деятелей — 18 из 131, в Союзе художников — 3 из 40; среди ингушей не было ни одного композитора и профессионального музыканта [Карпов 1992: 52].

Такая диспропорция наблюдалась во всех сферах культурного развития.

Желание ингушей отделиться и иметь свою столицу, парламент, правительство, государственные структуры было продиктовано необходимостью самосохранения, так как в существовавших на тот период условиях нация постепенно вырождалась.

В ноябре 1990 г. Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР провозгласил суверенитет, в мае 1991 г. — принял декларацию о государственной независимости. Произошло разделение Чечено-Ингушской АССР на два самостоятельных государства — Чеченскую республику и Республику Ингушетию.

Это был сложный период для ингушского народа. Становление новой республики сопровождалось обострением межнациональных отношений из-за Пригородного района, ранее принадлежавшего ингушам и после реабилитации оставленного в составе Северо-Осетинской АССР. Трагическая развязка этого конфликта произошла в октябре 1992 г. и привела к массовой гибели людей и выселению ингушей. Эта проблема остается не решенной по сей день, огромное количество ингушей в течение этих 16 лет живут в лагерях беженцев, в вагончиках.

На общий уровень знания родного языка существенное влияние оказало и наличие в республике большого количества беженцев как из Осетии, так и из Чечни, которые плохо владеют ингушским языком и почти не знают литературу. Приток беженцев из соседних регионов привел к тому, что население республики за короткий срок увеличилось почти вдвое. И хотя в последнее время часть беженцев возвращаются в свои регионы, во многих школах учебный процесс по-прежнему ведется в три, иногда даже в четыре смены. По данным на 2006 г. в общеобразовательных учреждениях Ингушетии обучались 2354 школьника из семей вынужденных переселенцев из Республики Северная Осетия-Алания и 3705 школьников из семей беженцев из Чеченской республики [Танкиев].

Беженцы из Осетии и Чечни владеют ингушским языком значительно хуже, чем местные дети, это связано во многом с тем, что они большую часть своей жизни провели в иноязычной среде, были подвержены влиянию языков соседних народов и имеют некоторые речевые особенности, свойственные языкам соседних народов. Некоторая часть детей говорят только на русском языке, другие говорят с заметным акцентом и, чтобы не быть объектом насмешек, стараются больше говорить на русском языке [ПМА 2007].

Несмотря на имеющиеся сложности, за 16 лет в культурно-образовательном пространстве ингушей произошли значительные положительные сдвиги.

Высшее и среднее специальное образование как часть всего образовательного пространства республики является приоритетным в политике руководства республики. На сегодня в Ингушетии в высших и средних специальных учебных заведениях обучаются более 13 тыс. студентов. А более 600 юношей и девушек ежегодно поступают на учебу в лучшие вузы России на целевые места. Указом президента в течение последних лет наиболее успешно обучающимся студентам и аспирантам иногородних вузов Ингушского госуниверситета и других вузов республики выплачиваются именные президентские стипендии. В 1993 г. основана Национальная библиотека, которая является научно-методическим центром библиотечного дела. В республике 48 государственных массовых библиотек, объединенных в три центральные библиотечные системы (Назрановская, Малгобекская и Сунженская), 82 школьные библиотеки.

В 1994 г. основан главный вуз республики — Ингушский государственный университет, который является ведущим центром образования, науки и культуры республики, в нем на десяти факультетах обучается около 7 тыс. студентов. Университет в настоящее время готовит специалистов по 23 специальностям и направлениям. Ежегодно лучшие студенты Ингушского госуниверситета выезжают на стажировку в Германию, Францию, Великобританию и другие европейские страны. Все это вместе взятое позволило за столь непродолжительное время повысить культурный, образовательный и научный потенциал народа. Однако, несмотря на статус государственного языка на территории республики, ингушский язык преподается в школах и университетах Ингушетии как иностранный язык. Обучение по всем предметам, кроме ингушского языка и ингушской литературы, ведется на русском языке. Правда, родному языку и литературе выделено по несколько часов в неделю в школах и, в качестве факультатива, в ВУЗах.

В Ингушском государственном университете преподаватель английского языка Ж. А. Хашагульгова провела среди студентов анкетирование с целью выявления степени влияния русского и ингушского языков на изучение английского языка. В анкетировании приняли участие три группы 1-го курса и две группы 3-го курса. Студенты должны были ответить на вопросы анкеты, которая была ориентирована на проблемы обучения иностранным языкам носителей ингушско-русского двуязычия.

Анализ результатов анкетирования показал следующее:

1) студенты считают, что они билингвы и принадлежат двум культурам (90 %);

- 2) большинство студентов уверены в том, что родной язык помогает им в овладении английским языком (70 %);
- 3) большая часть студентов испытывают затруднения при восприятии иноязычной речи на слух;
- 4) студенты соотносят слова похожего звучания в английском и ингушском языках (65%);
- 5) большинство студентов считают, что национальная культура помогает в понимании иноязычной культуры (85%).

Основываясь на данных опроса, Ж. А. Хашагульгова пришла к выводу, что студенты-ингуши пользуются имеющимися у них знаниями, навыками и умениями как в ингушском, так и в русском языках, и в случае сходства языковых явлений это приводит к трансформации, а в случае расхождения вызывает интерференцию [Хашагульгова 2004: 136].

Степень распространения и темпы развития двуязычия зависят от многих факторов. Нужно отметить, что вопросы ингушско-русского двуязычия практически не исследованы, последствия билингвизма, как положительные так и отрицательные, должны изучаться с привлечением специалистов из различных областей науки.

В феврале-марте 1995 г. в Республике Ингушетия было проведено этносоциологическое исследование, в анкеты которого были включены вопросы об уровне знания родного языка.

В опросе участвовали 38,3 % лиц со средним образованием, 58,8 % с высшим и незаконченным высшим образованием [Дзаурова 2001: 352].

Ответы респондентов на вопрос «Как вы оцениваете свое знание ингушского языка?» распределились следующим образом: 16,8 % ответили, что знают его в совершенстве, 41,1 % — владеют разговорной речью (бытовой); 36 % — говорят на смешанном ингушско-русском языке; 3 % — знают плохо, а 7 % уклонились от ответа на поставленный вопрос.

В числе знающих ингушский язык в совершенстве женщин вдвое меньше, чем мужчин, а говорящих на смешанном ингушско-русском языке в 1,4 раза больше, чем мужчин.

Как нам кажется, такая ситуация с языком связана с тем, что на государственном уровне нет установок на «закрепление» национального языка. Это прослеживается во всем. На территории Ингушетии нет ни одной начальной национальной школы, где велось бы преподавание на ингушском языке. Отсутствие таких учебных заведений может привести к постепенному угасанию письменного родного языка, а в будущем и устного. Формирование и развитие образовательного пространства среди ингушей на протяжении немногим менее полутора веков сыграло очень большую роль в функциональных изменениях ингушского языка.

Основываясь на материалах экспедиционных поездок в Ингушетию в 2006—2008 гг., мы попытались проследить наличие связи между двуязычием сельских жителей и двуязычием горожан, учитывая, что все ингуши потенциально двуязычны. В зависимости от района проживания отмечается различная степень владения ингушским языком. Так, на сегодня жители горной части Ингушетии сохранили родной язык в наиболее чистом виде и свободно владеют им. Ингушский язык остается для них важным этнодифференцирующим маркером. Но, несмотря на достаточно хорошее владение родным языком, на работе они разговаривают только по-русски или чередуя русскую речь с ингушской.

На плоскости наблюдается постепенное угасание знания родного языка, особенно это характерно для жителей городской части населения Ингушетии (городов Малгобек, Магас, Назрань).

Родным языком в своем большинстве ингуши пользуются в семье, в общении с соседями и близкими знакомыми, на похоронах и поминках, в мечетях, во всех случаях, когда нужно общаться с людьми старшего поколения. В транспорте, на работе, в учебном заведении и в других общественных местах ингушский язык отходит на второй план, особенно среди молодежи. Молодые ингуши, как, впрочем, и молодежь всего мира активно пользуются Интернетом, ездят как по России, так и за рубеж, чаще вступают в национально-смешанные браки, у них много друзей другой национальности, выше удельный вес учащихся в городах России и мира. В целом эта часть населения плохо знает родной язык и литературу, некоторые совершенно не говорят на ингушском языке. У них возникает комплекс неполноценности, так как при общении с соплеменниками, говорящими на языке их отцов и дедов, значения слов остаются для них абсолютно недоступны. А в качестве защиты от этого комплекса у них может возникнуть совершенно противоестественное чувство превосходства над своими соплеменниками лишь потому, что они хорошо говорят на не родном для них языке. И как ни странно, именно так и мыслит большая часть детей, родившихся за пределами Ингушетии. Это своего рода психологическая защита, стремление оправдать себя. Они считают, что ингушский язык им особо и не нужен, так как, приезжая в Ингушетию, они отмечают, что все близкие родственники, знакомые, друзья и соседи предпочитают общаться с ними на русском языке, тем самым показывая им, что в ингушском нет необходимости. Как отмечали матери этих детей, они ежегодно или реже приезжают в Ингушетию навестить родных в надежде, что их ребенок научится говорить на ингушском, общаясь со своими земляками, однако происходит обратное [ПИМА 2007].

* Интерференция — нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое в его речи проявляется в отклонении от нормы.

Растущее влияние русского языка приводит к постепенному отмиранию языка и культуры ингушского народа.

На вопрос, с чем они связывают плохое знание ингушского языка, значительная часть людей старше 60 лет отвечают, что главная причина этого кроется не только в низком образовательном уровне, но и в отсутствии государственности ингушей в советское время и депортации их в 1944 г. Необходимость адаптироваться в новых и сложных условиях способствовала тому, что оказались забыты многие обычаи, предания, песни, легенды, народные промыслы и народная медицина и постепенно вымирает ингушский язык. Так, Сагова Томара [ПМА 2008] рассказывала, что в прошлые времена девушки должны были быть красноречивыми, так как во время различных торжеств их приглашали на вечеринки, где они должны были блеснуть своим умом. На это мероприятие приглашали самых умных, смекалистых девушек, умеющих шутить, петь и танцевать. Это была своего рода игра, где очень высоко ценилось умение лаконично и красиво отвечать на вопросы. Мужчины должны были направлять весь ход вечеринки. Собравшиеся выбирали старшего от парней и старшую со стороны девушек, на них лежала ответственность за каждую сторону. Так, старшая девушка, зная способности своих подруг, выбирала девушку, способную ответить на каверзный вопрос молодых людей. Подобные встречи бывали увлекательны и веселы, проходили с танцами и песнями. Вечеринка могла продолжаться до утра, присутствующие не замечали, как пролетало время. Ныне подобная практика почти изжита, так как современная молодежь совсем не знает шуточного сватовства и многого другого.

Многие отмечали и сохранившуюся до последнего времени важную роль дедушек и бабушек в воспитании внуков. В современном обществе воспитанием детей больше занимаются родители, а традиционная роль бабушек и дедушек почти изжила себя, как и практика неразделенных семей. Современные родители стремятся взять воспитательный процесс полностью на себя, обойтись без участия людей старшего поколения. Большая часть родителей считают, что воспитание детей в детских дошкольных учреждениях приносит гораздо больше пользы, чем воспитание их дедушками и бабушками. Это, безусловно, сказывается на знании языка, ингушского этикета, обрядов, праздников и всего остального, из чего складывается культура народа и формируется личность. Именно из-за отсутствия таких контактов в значительной мере страдает языковая модель ингушского языка.

Другой важной причиной вырождения ингушского языка является то, что из-за отсутствия соответствующей терминологии он перестает использоваться в различных сферах науки, культуры, политики, экономики, перестает быть языком, пригодным для употребления в этих областях деятельности. Соответственно, он отходит на второй план, так как специалисты переходят к ведению бесед на соответствующую тематику исключительно на русском языке.

Для преодоления этой проблемы нам нужен национальный проект, в разработку которого будут вовлечены высококвалифицированные специалисты, способные подготовить тематические словари на ингушском языке, соответствующие пособия. Естественно, для реализации этой идеи нужна финансовая поддержка со стороны государства.

Можно предположить, что, если не будут предприняты соответствующие меры, уже через пару поколений русский язык станет среди ингушей доминирующим, а это, в свою очередь, приведет к угасанию ингушской культуры. Вполне реально, согласно мнению лингвистов, что в течение ближайших ста лет исчезнут тысячи языков и, возможно, в их числе будет и наш ингушский язык.

О необходимости сохранения ингушского языка автор ингушско-английского словаря Джохана Николс писала следующее:

До тех пор, пока не будет востребована мощная образовательная программа и не закончится утечка мозгов, пока будут доминировать в последующих поколениях так называемые полуговорящие ингуши, — само существование ингушского языка и культуры находится в опасности полного исчезновения. Прекращение развития языка будет означать потерю не только для ингушей, для которых язык и культура являются национальными сокровищами и связью с их историей и землей, но и потерей для всего человечества; так как ингушский язык — научное и историческое достояние.

Даже при полной ассимиляции с русским языком в России все равно необходимо отстаивать свое ингушское равенство... [Николс].

Сохранять родной язык или нет — это вопрос, который могут решить только его носители. Никакая помощь извне, никакие усилия энтузиастов не помогут решить эту проблему в случае, если носителям языка будет комфортно от него отказаться. И, опять же, никакие неблагоприятные внешние факторы не могут уничтожить язык, если его носители уверены в том, что язык нужно сохранять, и готовы прилагать для этого усилия.

Проблема сложна и многогранна, а необходимость решения ее назрела давно.

Литература и источники

- Грамотность 1914 — Грамотность в Терской области // Терские ведомости. 1914. № 130, 132.
- Грозненский рабочий 1957а — Грозненский рабочий. 1957. 8 июня.
- Грозненский рабочий 1957б — Грозненский рабочий. 1957. 21 июня.
- Губогло 1975 — *Губогло М. Н.* О роли языковой компетенции и речевой деятельности в освоении культуры (по материалам Молдавской ССР) // Полевые исслед. ин-та этногр. 1975. М., 1975.
- Гудиева 2005 — *Гудиева Л. У.* Из истории развития образовательного пространства в сельских районах Ингушетии // Вузовское образование и наука: Материалы регион. науч.-практич. конф. Магас, 2005.
- Гудиева 2006а — *Гудиева Л. У.* Начало развития образовательного пространства в ингушской автономной области. 1924—1928 гг. // Сб. науч. трудов Ингушского Гос. ун-та. Магас, 2006.
- Гудиева 2006б — *Гудиева Л. У.* Структура школьного образования в СССР 1917—1941 гг. // Сб. науч. трудов Ингушского Гос. ун-та. Магас, 2006.
- Дзарахова 2007 — *Дзарахова З. М.-Т.* Этнокультура как основание формирования национального самосознания ингушей: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2007.
- Дзаурова 2001 — *Дзаурова М. С.* Этнологическое знание как фактор формирования культуры молодежи Ингушетии // Реальность этноса: Этнология в педагогическом образовании: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч.-практич. конф. (17—20 мая 1999 г.) СПб., 2001.
- Дзаурова 2004 — *Дзаурова М. С.* Основные этапы становления ингушской государственности // Научный вестник ИнГУ. Магас, 2004.
- Ермекбаев 2009 — *Ермекбаев Ж. А.* Чеченцы и Ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы, 2009.
- Здравомыслов 1996 — *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1996.
- Ибрагимов, Хатуев 2007 — *Ибрагимов М., Хатуев И.* Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. Нальчик, 2007.
- История чеченской письменности 2007 — История чеченской письменности // <http://www.teptar.com/documentary/articles/page/2/>
- Карпов 1992 — *Карпов Ю. Ю.* К характеристике межнациональных отношений в Чечено-Ингушетии в связи с проблемой ингушской автономии // Материалы полевых этногр. исслед. 1988—1989 гг. СПб., 1992.
- Карпов 2001 — *Карпов Ю. Ю.* Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия. СПб., 2001.
- Котиев 2008 — *Котиев Султан-Гирей.* «Сердало» — трибуна и голос народа: Исторический очерк // Сердало. 2008. 19 апреля.
- Краснов 1972 — *Краснов В.* Язык межнационального общения // Народное образование. 1972. № 12.
- Кузнецова 2005 — *Кузнецова А. Б.* Этнополитические процессы в Чечено-Ингушской АССР в 1957—1990 гг.: последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Куркиев 2004 — *Куркиев А. С.* Ингушко-русский словарь. Магас, 2004.
- Мальсагов 1998 — *Мальсагов О. А.* Избранное. Нальчик, 1998.
- Мартirosiан 1925 — *Мартirosiан Г. К.* Социально-экономические основы революционных движений на Тереке. Владикавказ, 1925.
- Мартirosiан 1928 — *Мартirosiан Г. К.* Нагорная Ингушетия. Владикавказ, 1928.
- Матиев 2003 — *Матиев Т. Х.* Общественно-политическое развитие Ингушетии в конце XIX—начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2003.
- Мугуев 1931 — *Мугуев Х.-М.* Ингушетия. Орджоникидзе, 1931.
- Муталиев 1995 — *Муталиев Тамерлан* // Ингушетия. 1995. 27 апреля.
- Народное хозяйство 1977 — Народное хозяйство РСФСР за 60 лет // Статистический ежегодник. М., 1977.
- Николс — *Николс Д.* Состояние ингушского языка // <http://www.doshdu.ru>
- Овхадов 2001 — *Овхадов М.* Итоги национальной политики советского периода и проблемы современной Чечни // Чечня от конфликта к стабильности. М., 2001.
- Оздоев 1980 — *Оздоев И. А.* Русско-ингушский словарь. М., 1980.
- Сердало 1958 — Сердало. 1958. 28 августа.
- Современные этнические процессы 1975 — Современные этнические процессы в СССР. М., 1975.
- Статистический сборник 2000 — Статистический сборник. Алматы, 2000.
- Танкиев — *Танкиев И.* Система образования Республики Ингушетия уверенно заявила о себе // http://www.vestnik.edu.ru/ing0306_2.html
- Трудовые ресурсы 1976 — Трудовые ресурсы Чечено-Ингушетии и их рациональное использование. Грозный, 1976.
- Тусиков 1926 — *Тусиков М. Л.* Ингушетия: экономический очерк. Владикавказ, 1926.
- Хамидова 1999 — *Хамидова Зулай.* Борьба за язык (Проблемы развития чеченского языка) // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.
- Хашагульгова 2004 — *Хашагульгова Ж. А.* Лингвистические и педагогические основы ингушко-русского двуязычия // Научный вестник ИнГУ. Магас, 2004.
- Хотинец 2000 — *Хотинец В. Ю.* Этническое самосознание. СПб., 2000.
- ПМА — Полевые материалы автора. Республика Ингушетия, 2003—2008 гг.
- ПФА РАН, ф. 142, оп. 2, д. 27, л. 5.
- ПФА РАН, ф. 800, оп. 6, д. 161, л. 1 об.
- ПФА РАН, ф. 800, оп. 6, д. 574, л. 31.
- ПФА РАН, ф. 800, оп. 6, д. 574, л. 32.
- ЦГА РСО-Алания, ф. 123, оп. 1, д. 515, л. 90 об.